

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНАЛОГИЯ**Г. Б. Новиков***преподаватель кафедры философии**Национального технического университета Украины**«Киевский политехнический институт»*

Здійснено спробу компаративного дослідження та розуміння політичної та релігійної систем суспільства, крізь призму траєкторії їх розвитку: протодержава – держава – постдержава / політеїзм – монотеїзм – атеїзм.

Ключові слова: протодержава, держава, постдержава, політеїзм, монотеїзм, атеїзм.

Отношение человека к государству вызывает прямые аналогии с отношением человека к религии, и это, – упуская из виду саму историю официальной, целенаправленной сакрализации государственной власти (как-то: «правитель – посланник Бога на земле»; «всякая власть – от Бога» и т.д.). И, видимо, это отнюдь не случайно.

Люди вовсе и не религиозные, и не воцерковленные, интуитивно-подсознательно воспринимают государство как нечто субстанциальное. Несотворимое и неуничтожимое. Непредложное, вечное, всемогущее. Да не следует сбрасывать со счетов и непрерывного самоутверждения государства в виде этатизма. Эта, – в теории, – традиция – еще от Платона, фактически отождествившего социум и государство, общество (организм) и один из его органов... И, как и в случае с сутью самой субстанции (даже в самом ее адекватном, – диалектико-материалистическом, – понимании), допускают лишь бесконечное изменение конечных форм, – модусов субстанции, – государства.

В связи с этим попробуем воспользоваться методологическим принципом, известным еще Гегелю, согласно которому адекватно понять и исчерпывающе объяснить предыдущий этап развития чего-либо (кого-либо) возможно лишь с помощью последующего, – парадокс К.Маркса: «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» [К. Маркс, Ф. Энгельс Соч., т. 12, с. 731.], – (даже чисто хронологически мы можем позволить себе выстроить такой характер взаимодействия) и попытаемся методом исторической аналогии прорефлексировать с помощью феномена религии феномен политики. Вернее сказать, осуществим их компаративный анализ.

Необходимым элементом политической организации общества, – можно сказать: ее основной несущей конструкцией, – является институциональная составляющая (суть формы, через какие реализуется государственная власть): институты, учреждения, государственный аппарат, политические партии (фрон-

ты, движения и т.д.). Как известно, государство есть ядро политической организации общества. В свою очередь ядром (сущностным, – субстанциальным, – элементом) религиозной системы общества является Бог, на политическом отрезке развития религии – боги. В религиозной системе аналогичной организационной формой реализации, проводником религиозной воли, – чьей воли?! – обладает такой институт, как церковь (и ее «личный состав», ее аппарат – клир).

Идеологическая составляющая политической системы общества реализована посредством политической идеологии, ближайшим образом – при помощи законов и подзаконных актов. Права. В религиозной системе, в корпусе религиозной идеологии, – в составе корпуса теологии, – посредством канонов и апокрифов. Общее и для законов и для канонов то, что их не открывают, но: пишут, издают, голосуют, принимают. Можно сказать даже так: теология – это сакральная юриспруденция, право – мирская теология...

Политика и религия – суть отношения, являющиеся доминирующими в политической и религиозной системах общества, соответственно. Аппарат – клир; политика – религия; теология – право... Это ли не основание для вполне корректного компаративного, – сравнительного, – их исследования и понимания?

Теперь попробуем структурную аналогию систем преломить сквозь призму их исторического, – поступательного, – развития. Напомним, – предельно лапидарно, – траекторию развития этих систем.

Протогосударство – государство – постгосударство.

Политеизм – монотеизм – атеизм.

Транзитивные (переходные) формы, «серые зоны» (полугосударство, деизм, пантеизм и т.д.) в расчет пока не берем. Важна: «генеральная линия». Важна доминанта.

Исторически первой (зрелой) формой государства является древнегреческий город-государство: полис (от греч. πόλις – город). Исторически первой (зрелой) формой религии

является политеизм (от греч. πολύς, «многочисленный, много» + греч. θεός, «Бог, божество» – «многобожие»).

Оставим лингвистам-эллинистам на откуп вопрос о том, насколько прямой и непосредственной является связь греческого слова, – вокабулы, – «город» и греческого слова, – вокабулы, – «много», но, как непреложный факт, имеем некое множество людей, проживающих на определенной, – жестко фиксированной границами, – территории и вступающих в политические (потому и политические, что во взаимодействие, – либо же воздействие, – вступает (включается) много людей) отношения посредством государственной идеологии и государственных институтов. Огромное многообразие конкретных форм и способов реализации (осуществления) государственной власти является характерной чертой периода. От взаимовыгодного сотрудничества до войны (которая на этапе протогосударственности – присваивающая форма труда; на этапе государственности – политическое явление).

При этом стоит отдельно и особо отметить как существенное то обстоятельство, что этот этап есть периодом возникновения и интенсивного становления профессиональных управленцев. Их практически еще нет. Либо же они, продолжая архаическую традицию основной своей профессией, – родом занятий, – имеют вовсе не государственное управление, но военное дело, или, к примеру, – как в случае с царем Кипра Пигмалионом, – художественное ремесло. Власть (как и военное дело) еще только становится делом публичным. Вспомним основные условия (признаки), каждый из которых необходим, но лишь вместе они – достаточное основание, чтобы государство было: границы; публичная власть; профессиональные силовые структуры; налоги. Потом будут и гимн, и герб, и флаг, и деньги. И много чего еще будет. Но вышеназванное – достаточное, – минимально достаточное, – основание.

В этом смысле показательно абсолютно характерное (воспетое в т.ч. Платоном) для древних греков «ровное», без фанатизма, отношение к государственной власти. Достойные люди во власть идут по необходимости (а не как нынче: на запах соственности). Лишь из нежелания и боязни оказаться под властью человека худшего, чем они сами. Отношение с богами, также не имеет еще того, характерного для позднейших этапов налета сакральности, святости. Надрывности. Мистического, вынуждаемого и перманентно подогреваемого, – энтузиазма. Фанатизма, опять же. Либо страха, граничащего с ужасом. Скажем, перед перспективой Страшного суда... Сами боги, «живые» природы, как сейчас сказали бы: «... не без греха». А также отсутствие церкви. Древние греки, ихняя цивилизация – колыбель

нашей (западной) культуры, – со своими богами ...жили дружно и в согласии. Они цивилизовали политеизм. Язычество. Идолопоклонство. Ихняя религия – это еще политеизм. Но: культурный. Боги человекоуподоблены. Антропоморфизированы. Живут заботами, помыслами и страстями человеческими. Теоретизированы в форме спонтанного древнереческого мифа. Вернее, совокупности, системы мифов – мифологии. Их пантеон – по образу и подобию иерархически выстраиваемых земных семьи, силовых структур, государства. Пирамида власти. На вершине: бог богов – Зевс. Рядом: жена его – Гера. Далее – боги «по заведованиям» сегментами жизни людей. Земледелие, война, любовь, кузнечное дело... Далее – титаны. Далее – герои. А героем мог – редко, но мог, – стать... живой грек. Ну, примерно, как Героем Советского Союза мог стать каждый. Но становились – лишь самые лучшие из самых хороших. Греки любили, уважали и почитали своих богов. И – не боялись их. Между ними не существовало непреодолимой пропасти. Отметим этот факт, зафиксируем его и движемся далее.

Исторически следующим этапом развития религии, – первым отрицанием в ее генезисе, – является ее монотеистический этап. Вера в одного Бога. С этим этапом связано возникновение т.н. мировых религий, окончательное формирование и оформление институциональной структуры религиозной системы – клира (церкви). Складывание основного корпуса теологии: формирование Библии. Абсолютно аналогичные процессы происходят и с государством – возникает абсолютно четко очерченный государственный аппарат. Достаточно замкнутый. Нередко – герметичный. Формируется корпус Римского права. Вера обретает власть, власть обретает черты сакральности. Власть, как и вера становятся профессией, становятся публичными. Равно, как и силовая составляющая государства. Становится возможным вести речь о нестихийной политической борьбе. Государство становится основной организационной формой общества. Его крепком.

До сих пор вполне синхронное движение двух систем (политической и религиозной), приходит к диахронизму где-то в начале XIII-го века, что связано в т.ч. с Фомой Аквинским и его постулатом двойственной истины (деизм), а затем, в XVII-м веке – с именем Баруха Спинозы: с его идеей пантеизма. Это способствует тому, что развитие религии (правда, лишь на поле теории) начинает резко опережать развитие государства (впрочем, тоже на поле теории), примерно, века на четыре. Лишь в XXI веке в полный голос заговорили о движении к «мировому государству». Разговор, – и соответствующие практики, – назвали «глобализацией». Параллельно активно и не менее

энергично заговорили о «гражданском обществе». Ну, общество здесь, скажем прямо ...совсем не при чем. При чем: гражданское. При чем: гражданин. Где гражданин – там государство. В нашем случае – мировое. Одно. Единственное. Для всех. Мировое правительство. Мондиализм. Однополярный мир. Что и требовалось доказать. Ну, а то, что это мир Pax Americana – так это простое совпадение...

Нам представляется вполне корректной аналогия глобализации именно с пантеизмом, в виду неснятия с повестки дня вопроса о сущностных элементах систем (политической и религиозной) – государства и Бога. Так – в замыслах и субъективных, – не субъектных! – устремлениях. Нередко – вполне искренних. А как реально? А действительно как?!

Аргумент пастырей, пастухов, богословов (и иже с ними): нет, не за существование Бога (для всех «пасущихся», – паствы, – на поле боговерия, абсолютно естественное для любого нормального человека требование: прежде чем приступить ко всем остальным вопросам, решить этот, главный, вопрос: о существовании Бога – выглядит как личное оскорбление), – но за веру в него, является таким: вера – это спасение от, – прости Господи, – «принципа детерминизма, возведенного в ранг абсолюта». И в этом смысле, вера – это, вроде, как – свобода. Вера в Бога дарует им, вам (нам) свободу. Сила этой линии ...в бессилии т.н. «гуманитарных» (и ошибочно к ним причисляемой философии) наук.

Традиция раздела зон влияния («точным» наукам – мир вокруг, религии – дух) своими корнями уходит к Новому времени.

Но тогда этот безусловный регресс, – монотеистической, – религии, выглядел, – и был, – огромным прогрессом науки. Время идет, ситуация со страшилкой в виде «принципа детерминизма, возведенного в ранг абсолюта» все больше вызывает аналогию с Богом, помянутым всуе. К месту и нет...

Еще одна, правда, более опасная попытка интеллектуального шулерства теологов – попытка разорвать имманентную связку «знание/вера».

Мол, это не два различных способа отношения к одному и тому же явлению (объекту, предмету), а два вида отношения к различным предметам (объектам, явлениям). Постулируется, – разумеется, без доказательства: есть предметы (объекты, явления) не подвластные знанию, а, следовательно, это и есть зоной ответственности веры.

В этом смысле, откровенно белыми нитками шито само понимание знания, ведь сам процесс познания сводится, редуцируется к определенной оконченности. Собственно: к его результату. Адекватное понимание процесса познания, как такого же непрерывно развивающегося, как и сам объект познания,

снимает проблему «черных дыр» и превращает в проблему «пока еще черных дыр». «Верить» и «знать» нужно не только сравнивать, но и каждый раз, – без усталости, – ловить и уличать любые попытки подмены знания верой.

А подмена вопроса о существовании Бога вопросом о формах, в каких он существует (когда уже «ответили» на первый вопрос утвердительно и за себя и за вас) всегда есть признак начала нечистой теоретической игры, которую непременно следует пресечь, не дав затянуть себя в софистическую яму.

Широко анонсированное адептами боговерия триумфальное шествие, – на поле теоретическом, – постсекулярности ...не случилось – в лучшем случае ограничились локальным выбросом занафталиненной тайны завернутой в любовь и приправленной тотальной дихотомией («черно-белостью») интеллектуального убожества всех неверующих, и «мозгоизбранностью» их антиподов – боговеров.

Такая себе регрессивная ветвь христианского дискурса. Обедненная именно своим категорическим, – пещерным, – неприятием истины научной.

Беспомощность на поле теории толкает к реакционным практикам. А в этом смысле от гуманистического содержания религии не остается ничего, и на смену верующему боговеру (в определенном смысле он прекрасен: он молится за наше спасение. Каждого, многих и всех. Этим, к примеру, православие лично мне симпатично) приходит фанатик. Неверующий ...боговер.

Этому «новому верующему» (на самом деле он «старый» новый, правда он чужой и чуждый нам ментально и культурологически) уже не суть важна сама идея Бога, вернее, для него вовсе не принципиально верить в Бога как в абсолюта, как в нечто субстанциальное. Бог и идея Бога для него – это легитимация его собственных практик. Их алиби. Его теория – современная теология – суть доксография, настоящая на категорическом неприятии науки, равно, кстати, как и всего гуманистического в религии (к примеру, в православии). Парадокс? Отнюдь.

Вся эта гремучая квазидуховная смесь пасторами 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го флотов уже несется под видом «благодати Божьей» в каждый дом. Постсекулярные концентрационные лагеря уже более-менее равномерно разбросаны по брэнной земле и регулярно принимают своих обитателей.

Совершенно напрасно мы отдали идею Бога на откуп богословам. Совершенно напрасно.

Как учил великий Ленин, в любой критике возможны два варианта – критика справа и критика слева. Пора уже начинать критику слева, ведь критика справа уже ведется давно.

Вот и получается, что 9/10 профессиональных философов, до сих пор не понявших Гегеля, не говоря уж, Маркса, – и сегодня ...понятия не имеют о том, что такое Бог как субстанция. Несотворимая и неуничтожимая. Всегда сущая, ниоткуда не берущаяся, сущая неизбывно. Да ведь это ...материя! Но: в своей, исторически определенной, форме. «Бог начинается там, где кончаются наши представления о нем» [Дионисий Ареопагит]. Эта мысль – ключ к пониманию Средневековой философии. Здесь субстанция – Бог. «А мы отдали все это на откуп клиру, теологам, глупым «научным» атеистам и свели всю Средневековую философию к «номинализму – реализму» [Б.В. Новиков].

Ну, что сказать: Средневековье... Ведь все в зародыше есть: и идея творчества (в сакральной форме – творения), и принцип равенства социального, и принципы общежития интернационального, и гендерное равенство («...нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» [ап. Павел]), да и само имя существительное «человек» впервые появляется в христианской традиции. И не удивительно: ведь христианство – это религия раба. А кто он в рабовладельческом мире? Res. Вещь. Вещь среди вещей всех иных. Говорящее орудие...

Стоит отметить, что один из наиболее распространенных (бытовых) принципов критики религии условно можно обозначить как: «поп спился – Бог виноват». Критиковали конкретные действия, поведение, решения, поступки конкретных людей. Ереси и атеизм в подавляющем большинстве случаев направлены на церковь и ее аппарат – клир. Т.е. критика сущности подменена, – сведена к, заменена, – критикой существования. И это понятно: чтобы критиковать субстанцию, надобно быть адекватно философски образованным. А не просто нотариально заверенным философом. Отсюда – по сути, порой, – вполне... контролируемая эффективность ересей и атеизма. Такой себе теоретический «мирный атом». Для религии.

И в этом смысле от идеи субстанции до действительной свободы человеческой гораздо меньшее расстояние, чем многим, переживающим первое соприкосновение с научной философией, кажется.

Как правило, этот «первый контакт» происходит в ВУЗе. В связи с этим, видимо, главное, в ВУЗовском курсе философии, – тот минимум, который необходимо вынести каждому, этот курс освоившему, – это даже не «основное понятие предмета» и отнюдь не «общие знания программных разделов» (хотя и их знать нужно, бесспорно), а то, что, в идеале, единственным вершителем судьбы человеческой должен быть сам человек.

Не Бог (которого, кстати, нет), не другой человек (с кое-какими оговорками, правда) и т.д., но человек-субъект. Вернее, человек-субъектность. Полностью обобществленный человек. Человек-творец. Каждый, многие, все.

И он тем более субъектен, чем более им (человеком), преодолена стихийность. Или же, если проще – чем меньше он полагается на случай, веру, фарт, фатум, рок и т.д., тем более он свободен. А для того, чтобы на них полагаться меньше, должно становиться больше того, что называется адекватным (если хотите: истинным) знанием. К коему ведет истинное познание, разумеется.

И в этом смысле самый надежный способ вооружиться таким адекватным знанием и опытом такого познания о таком непросто предмете, как человек, общество, история, мир – есть лишь один путь: изучать самую точную из наук – философию. Научную. Вооружаться теорией и ее же научным методом.

Однако же, имеем ситуацию, когда произошла, – намеренно осуществляется, – попытка отказать развитию ...в развитии. Попытка законсервировать, осуществляя перманентные косметические ремонты и модернизации, реформы и трансформации, – ставшую, наличную форму: государство. Развитие в своей необходимости, неизбежности, неотвратимости – это постгосударство, общественное самоуправление. Сущее в форме практической всеобщности. Отрицание отрицания. Похожее происходит и в религии. Отрицанием отрицания здесь является атеизм. Но кому ж это понравится?! Кроме атеистов... Вот и имеем: деизм, пантеизм, экуменизм... Но ведь развитие – неостановимо. Необратимо. И это, с определенного времени – непреложный факт, установленный и доказанный наукой. А наука – это «схваченная мысль» и выраженная в системе принципов, законов, правил, теорем, лем, категорий и т.д. необходимость. И даже – неизбежность. И ее – не обойти. И – не избежать.

В этом смысле, идея постгосударственности – это конечно, атеизм.

«Постгосударственность» – это такая форма организации социума, способом бытия которой является общественное самоуправление, сущее в форме практической всеобщности, корневой системой которого является местное самоуправление. Это форма вовлечения в организацию общежития социума всех его самостоятельных членов. Всех. Где каждый осуществляет эти организационные (управленческие, властные) функции сквозь призму собственной самости; через свое творчество, через свою профессию, через род своего занятия.

Следует отметить особо, что речь идет именно об истинном самоуправлении, а не о

формальном членстве в «органах самоуправления», о действительном самоуправлении без «органов». Не говоря уж: «компетентных» (спрашивается: а зачем «некомпетентные»?!). Скорее следует говорить о «теле» самоуправления. (Излишне акцентировать на том, что «действительность – это совпадение сущности и существования» [Г.В.Ф. Гегель] Что это состояние, когда «разум существует в разумной форме» [К. Маркс], а последнее – сущее в форме практической всеобщности. Что «способом бытия и такого человека, и таких людей, и такого общества является творчество как наиболее развитая форма развития» [Б.В. Новиков]).

«Телом» самоуправления в этом смысле является общность людей, независимо от количества членов этой общности. Собственно, уже не общность и даже не общественность, но: обобщественность, то есть общность с предельно высоким уровнем обобществления. Соответственно, единичной, персонифицированной формой обобщественности является субъектность. Но, независимо от территориальной принадлежности общности (субъектности). Единственным критерием, который обуславливает размеры «тела» есть проблема, которая возникает перед ним. «Тело» ограничено лишь рамками той проблемы, задачи, вопроса, которые возникают перед определенной совокупностью людей и требуют своего решения. Конфигурации этого тела – самые разнообразные: иерархические, пирамидальные, сетевые, транзитивные и т.д.

«Постгосударственность» является своим-иным-себя «протогосударственности», – как полюса единого диалектического противоречия, опосредованные «государственностью», – но на качественно новом уровне. Где в снятом виде – весь путь, весь опыт, вся «родословная», весь массив культуры, наработанный на путях развития социума в форме «государственности». Субъект управления и сообщество, – субъектность и обобщественность, – совпадают и там, и там, но, если в случае «протогосударственности» это совпадение ограничено рамками рода/племени, кровно-родственной связи, является тождеством абстрактным: синкретичным и неразвитым, то в случае последнем – это открытая навстречу безграничному созиданию, – само-

развитию, самодеятельности, – система, где сходятся во взаимодействии безграничная, беспредельная диалектика объективная с таковой – субъектной. Это – тело культуры в своем перманентном развитии: прогрессивном, поступательном, восходящем развитии.

«Протогосударственная» форма единства предстает как простая, механическая, сумма отдельных «тел». То, что К. Маркс называл «социал-органическая общность». Для «постгосударственности» такие ограничения не являются имманентными, они отсутствуют. Отметим, что у К. Маркса типу «государственности» соответствует «социал-атомистическая общность», а «постгосударственности» (правда, уже во вполне корректной и даже изысканной интерпретации выдающегося советского философа Г.С. Батищева) – «социал-гармоническая общность». В этом смысле способом бытия всеобщего «тела» (общества в целом) в постгосударственной его форме является не сумма «органов» (структурных элементов, без которых целое, «тело» (в смысле: культурного «тела», «тела» культуры) не является полноценным, а напротив – диалектическое единство всех «тел» как универсальность уникального и уникальность универсального, как их перманентная синергия.

В рамках означенной выше проблематики, думаем, вполне уместно понятийное уточнение модусов общности. Общественная форма бытия единичности – общность. Общественная форма бытия общего – общественность. Общественная форма бытия всеобщности – обобщественность. В этом смысле «протогосударственность» является суммой родовых общностей («демографических социально-исторических организмов» [Ю.И. Семенов]). «Государственность» – суммой обществ («географических социально-исторических организмов» [Ю.И. Семенов]). «Постгосударственность» – обобществленным единством (всемирно-действительно-историческим организмом).

Корреляция полная и безусловная. Ведь строится, создается, творится постгосударственность – исключительно на научных началах и основаниях. Началах и основаниях развития действительного гуманизма. Сиречь: исключительно на началах научных. А наука начинается – с атеизма.

Стаття надійшла до редакції 23.03.2011 р.